

Дополнительные смысловые нюансы как когнитивный и прагматический феномен

А.В. Кузнецова (Житомир, Украина)

А.В. Кузнецова. Дополнительные смысловые нюансы как когнитивный и прагматический феномен.

Статья посвящена анализу дополнительных смысловых нюансов в художественном дискурсе в аспекте прагмакогнитивного подхода. Дополнительные смысловые нюансы трактуются как особый, детерминированный авторской интенцией вид имплицитной информации, имеющий концептуальную природу, выведение которого предполагает восприятие суммарного смысла других имплицитных смыслов данного дискурса: неаллюзивных намеков, аллюзий и символов. Исследование проводится на материале текста романа С. Ахерн. Показано, что создание и выведение указанных видов имплицитного смысла коррелирует с когнитивными механизмами и операциями. Выведение дополнительных смысловых нюансов происходит в два этапа и предполагает действие когнитивных механизмов, основными из которых являются профилирование с фокусированием/дефокусированием, проминантность, спецификация и перспективизация.

Ключевые слова: дополнительные смысловые нюансы, имплицитный смысл, когнитивный механизм, когнитивная операция, концептуальный бленд, сложный бленд.

Г.В. Кузнецова. Додаткові смислові нюанси як когнітивний і прагматичний феномен.

Стаття присвячена аналізу додаткових смислових нюансів у художньому дискурсі в аспекті прагмакогнітивного підходу. Додаткові смислові нюанси розуміються як особливий, детермінований авторською інтенцією вид імпліцитної інформації, що має концептуальну природу, виведення якого передбачає сприйняття сумарного смислу інших імпліцитних смислів даного дискурсу: неалюзивних натяків, алюзій та символів. Дослідження проводиться на матеріалі тексту роману С. Агерн. Показано, що створення й виведення вказаних видів імпліцитного мовлення корелює з когнітивними механізмами й операціями. Виведення додаткових смислових нюансів відбувається у два етапи й передбачає дію когнітивних механізмів, основними з яких є профілювання з фокусуванням/дефокусуванням, промінантність, специфікація й перспективізація.

Ключові слова: додаткові смислові нюанси, імпліцитний смисл, когнітивний механізм, когнітивна операція, концептуальний бленд, складний бленд.

G.V. Kuznyetsova. Additional sense nuances as a cognitive and pragmatic phenomenon.

The article introduces the analysis of additional sense nuances in a belles-lettres discourse in view of pragmatic and cognitive approach. Additional sense nuances are treated as a separate kind of implicit information, which is determined by the author's intention and is conceptual in its nature. Its inferring presupposes the anticipation of accumulated sense of other types of implicit sense in the discourse: non-allusive hints, allusions, and symbols. The research is conducted on the material of C. Ahern's novel. It is shown that the creation and inferring of implicit senses is correlated with cognitive mechanisms and operations. The inferring of additional speech nuances takes two stages and rests on cognitive mechanisms, the basic ones of them are profiling with focusing/defocusing, prominence, specificity and perspective.

Key words: additional sense nuances, implicit sense, cognitive mechanism, cognitive operation, conceptual blend, complex blend.

Введение. Дополнительные смысловые нюансы (термин Г.Г. Матвеевой; Матвеева 2003; Матвеева 2009) рассматриваются как особый вид информации, характерный для художественного дискурса, который не имеет четких структурных критериев вычленения в художественном тексте как компоненте художественного дискурса и выводится адресатом из некой совокупности имплицитных смыслов художественного дискурса, такое выведение смыслов является когнитивной базой для дополнительных смысловых нюансов. Недостаточная изученность смысловых текстовых нюансов, а также значительный интерес к изучению дискурса в парадигме когнитивной прагматики определяют **актуальность** предлагаемого исследования, **объектом**

которого являются когнитивные особенности создания дополнительных смысловых нюансов в свете проявления когнитивных механизмов, которые отмечаются при выведении адресатом нюансов смысла, созданных автором в данном художественном дискурсе. **Предмет** исследования можно определить как совокупность вербальных репрезентантов, которые вербально (но непрямо) или имплицитно актуализируют дополнительные смысловые нюансы в виде текстовых концептов, а **цель** можно представить как анализ дискурсивной значимости и прагматической роли этих концептов в свете их когнитивной сущности. **Материалом** для статьи послужил текст романа “A Place Called Here” (S. Ahern), который рассматривается как составляющая художественного дискурса.

Постановка проблемы. Прагмастилистическое понятие дополнительных смысловых нюансов (далее ДСН) изучалось в известных нам работах в одном ряду с явлениями “размытости”, нечеткости значения понятия (концепта), что приводит к своеобразному “растягиванию”, увеличению объема понятия и позволяет использовать такую речевую единицу для называния явления, которому в данный момент в данном языке трудно или невозможно найти название [Матвеева 2003]. То есть, ДСН рассматривались как особый тип имплицитного смысла, который не выражен вербально, но присутствует в ткани текста (в нашем случае, художественного) и может быть воспринят адресатом. Основным исходящим постулатом теории исследователя можно назвать импликатуры Г.П. Грайса, которые позволяют говорящему воплотить свое коммуникативное намерение, не прибегая к вербальному выражению того, что понимается реципиентом из общего смысла высказывания; иными словами, когнитивная связь с таким категориальным свойством дискурса как имплицитность не вызывает сомнения. Однако отсутствие стройности в подходе к изучению имплицитности не позволило осветить зависимость ДСН от имплицитных смыслов дискурса.

Филологическое изучение имплицитности как речевой категории насчитывает не один десяток лет, поскольку имплицитные смыслы изучались риторикой еще в античные времена, однако, как указывает Л.Р. Безуглая, наибольшая заслуга в их изучение принадлежит в первую очередь прагмалингвистике, в аспекте исследования смыслов, которые ‘находятся между строк’ [Безугла 2009: 3]. Проблеме не прямых/косвенных/имплицитных реализаций посвящены сотни исследований зарубежных и отечественных лингвистов (Д. Вундерлих, В.Г. Гак, П. Грайс, Д. Остин, О.Г. Почепцов, Дж. Серль и многие другие), следует отметить также работы, посвященные исследованию имплицитности на разных уровнях речи (И.В. Арнольд, К.А. Долинин, В.А. Кухаренко, А.А. Масленникова, Ю.В. Попов, Т.И. Сильман, Е.Н. Старикова и др.) и актуализации имплицитных смыслов в реальной коммуникации (Ф.С. Бацевич, И.Н. Кобозева, Т.М. Колокольцева, Н.И. Лауфер, Ю.С. Мартемьянов, Л.М. Минкин, А.В. Олянич, Л.В. Фролкина, И.Б. Шатуновский и др.). В статье В.В. Дементьева [Дементьев 2013], посвященной

обзору российских работ по не прямой коммуникации за последнее десятилетие, упоминается более ста источников. Несмотря на разнородность и обширность речевых явлений, относимых исследователями к сфере не прямой/имплицитной коммуникации и не прямых/имплицитных смыслов, отечественная и зарубежная лингвистические традиции совпадают в базисном принципе: определяющим считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов, оформленных в определенные синтаксические конструкции внутри высказывания, а откуда-то еще, что формально не присутствует в высказывании.

За последние годы наиболее глубокое изучение небуквальных, имплицитных смыслов осуществлено в русле когнитивной прагматики, и здесь следует назвать в первую очередь работы отечественного лингвиста Л.Р. Безуглой [Безугла 2007; Безугла 2008; Безугла 2009 и др.] и В.В. Дементьева [Дементьев 2001; Дементьев 2006; Дементьев 2013], выполненные с позиций дискурсивного подхода, одним из основных постулатов которого является анализ имплицитных коммуникативных смыслов на основе интенции говорящего/автора [Шевченко и др. 2008:6]. Согласно названному подходу, имплицитный смысл понимается как вербализованный продукт конструирования мира коммуникантами в процессе реализации речевого акта при неразрывном единстве когнитивных, прагматических и лингвальных проявлений таких имплицитных смыслов в речевом акте [Безугла 2009:2]. Такое понимание имплицитности и имплицитного смысла разделяется в предлагаемой статье.

Изложение основного материала. Рассмотрение ДСН как особого вида информации, выводимой из имплицитных смыслов художественного дискурса, предполагает двуэтапность процесса такого вывода, когда первым этапом является выведение адресатом имплицитных смыслов, служащих основой для второго этапа когнитивной деятельности адресата – выведения ДСН, как своеобразного обобщения таких имплицитных смыслов. В этой связи представляется необходимым затронуть вопрос интенциональности ДСН в художественном дискурсе. В имеющихся работах, посвященных данному виду информации и выполненных в русле традиционной прагматики, подчеркивается, что формой актуализации ДНС выступают речевые сигналы, т.е. грамматические и текстуальные формы, отражающие машинальную актуализацию автором своих скрытых интенций на неосознаваемом уровне в процессе осуществления речевого поступка [Матвеева и др. 2009:74; Галоян 2013; Самарина, Похлебина 2013]. Однако эти же скрытые смыслы выступают средством реализации тактики скрытого речевого воздействия на адресата, интенциональность которого не вызывает сомнения. Представляется, что уместнее говорить об отсутствии анализа при выборе автором конкретных речевых моделей и языковых средств для выражения своих мыслей, однако осознанность интенций очевидна, достаточно вспомнить известное высказывание Р. Блакара о том, что у автора всегда есть выбор языковых

единиц для выражения некоего смысла, и этот выбор никогда не бывает случаен [Блакар 1987:92]; иными словами, такой выбор всегда осознан и необходимо предполагает намерение автора. Более обоснованной представляется точка зрения А.А. Масленниковой, согласно которой неосознанным и обладающим низкой (или нулевой) степенью интенции является выбор грамматических конструкций, которые имеют скрытое дополнительное значение, тогда как выбор лексикона, речевых образцов и композиционных особенностей в художественном тексте всегда осознан и интенционален [Масленникова 1999:6]. Такая точка зрения разделяется в настоящей работе, следовательно, ДСН понимаются как особый вид информации, характерный для художественного дискурса, который не находит непосредственной актуализации посредством вербальных репрезентантов, имеет концептуальную природу и занимает наивысшую, смыслоорганизующую позицию в информации, передаваемой художественным дискурсом. Однако, в числе вербализаторов имплицитного смысла, на основе которого выводится ДСН, рассматриваются разные элементы дискурса, вербально представленные в тексте и несущие имплицитный смысл: текстовые символы, намеки (в том числе аллюзии), высказывания с трансформированными идиомами, метафоры и т.д. [Kuznyetsova 2015: 93]. Создание ДСН рассматривается как речевая тактика скрытого воздействия автора на адресата, которая актуализируется автором и выводится адресатом одновременно с восприятием вербально выраженного смысла текста. В каждом отдельном художественном дискурсе адресат в процессе своей когнитивной деятельности подсознательно накапливает достаточно многочисленные и разнообразные речевые сигналы ДСН, воспринимая таким образом скрытые интенции адресанта-автора. Можно вспомнить высказывания В.М. Телия, которая писала о дополнительных смыслах как о коннотативных элементах в составе смысловой сущности [Телия 1986: 236]; реализуясь только в тексте/дискурсе, они не могут соотноситься со значением или компонентом значения какой-либо отдельной языковой единицы. Поэтому ниже предлагается попытка показать, что ДСН выделяются на основе соотношения и смыслового взаимодействия других, часто всех компонентов дискурса, актуализирующих имплицитный смысл.

Рассмотрим особенности создания ДСН на примере дискурса, текстовым репрезентантом которого является роман "A Place Called Here" (S. Ahern) [Ahern 2007]. Главный персонаж романа, молодая женщина по имени Сэнди Шортт, с детства проявляет необычно сильное беспокойство по поводу пропавших вещей: одного носка после стирки в стиральной машине, завалившегося куда-то карандаша или блокнота, старого игрушечного медвежонка после поездки. Беспокойство ее настолько сильно, что Сэнди в поисках буквально переворачивает вверх дном весь дом и привлекает к поискам родителей. Родители Сэнди очень волнуются за свою дочь и прибегают к помощи школьного психолога, который работает с девочкой до самого окончания ею школы. После школы Сэнди начинает работать в

ирландской полицейской службе по розыску исчезнувших людей, позже открывает собственное бюро по розыску. Однажды утром, перед встречей с одним из клиентов, Сэнди отправляется на обычную утреннюю пробежку и неожиданно попадает в незнакомый лес, откуда не может найти дорогу назад; она оказывается как бы в параллельном мире, куда попадают исчезнувшие люди и пропавшие вещи, в месте, где вполне можно жить, работать, создавать семьи, но откуда нельзя вернуться в реальный мир. Кроме того, в этом мире никто ничего не теряет. В этом месте (которое называется “Here”) беспокойство оставляет Сэнди впервые за много лет, хотя многое там для нее удивительно. Через несколько дней Сэнди неожиданно теряет часы, не находит их и воспринимает это как сигнал, что она может вернуться в реальный мир. Это вскоре и происходит.

Для показа концептуальных этапов создания ДСН данного художественного дискурса целесообразно остановиться на его художественных концептах. В современных исследованиях художественный концепт понимается как сложная содержательная структура, существующая в художественной картине мира, в которой сливаются воедино индивидуально-авторское понимание и лингвокультурологическая традиция национального употребления данного концепта; он трактуется как ‘сверхтекстовое’ образование, которое только в широком интертекстуальном контексте способно эксплицировать художественные замыслы [Красовская 2009: 22]. Основными свойствами художественного концепта являются его ментальная природа [Давидюк 2014: 87; Демьянков 2001; Ніконова 2008 и др.], репрезентация в текстовых смыслах при доминировании его предметно-образной стороны [Черкасова 2015: 208], психологическая сложность, расплывчатость, художественная ассоциативность при значительной части невербализованной информации [Демьянков 2007; Ніконова 2008; Попова 2007; Радзієвська 2010; Шевченко 2006], вербализация посредством отдельных слов, фраз и сверхфразовых единств, причем создается такой концепт с помощью образности и метафоризации [Черкасова 2015: 208]. Анализ ключевых концептов данного художественного дискурса осуществляется с применением элементов методики идентификации концептов, предложенной В.Г. Никоновой [Ніконова 2008; Ніконова 2011]. Центральный смысл методики состоит в выделении из ключевых фрагментов тематических линий, в которых, в свою очередь, выделяется тематическая доминанта, представленная тематическим словом, а также смысловые реляты. На основании тематических слов происходит определение ключевых художественных концептов, вербализованных в этих фрагментах. При анализе создания ДСН используются элементы методики метаописания (Е.М. Кагановская), методики семантико-когнитивного моделирования (Ж. Фоконье и М. Тернера), предусматривающей реконструкцию схем концептуальной интеграции [Fauconnier 2002], а также наша методика построения ассоциативных цепочек, состоящих из когнитивных шагов-умозаключений.

В результате проведенного анализа было установлено, что концептуальное пространство анализируемого дискурса организовано вокруг эксплицитно выраженных ключевых концептов ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON), ПОИСК/SEARCH, НАХОЖДЕНИЕ/FINDING. Эти концепты образуют одну тематическую линию и вербализируются при помощи разных речевых средств, хотя для описываемого дискурса характерно небольшое разнообразие вербализаторов. Под вербализатором понимаем любое речевое средство актуализации концепта в дискурсе. Так, концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) идентифицируется следующим образом:

- ПРОПАЖА – ЭТО КАТАСТРОФА: *she was Jenny-May Butler, the sweet missing girl from the nice family who cried on the nine o'clock news every night[Ahern:2]. She was never found – not her body, not a trace of her; it was as though she had disappeared into thin air [Ahern:3]. It disturbed me that frequently my missing possessions were nowhere to be found [Ahern:4].*
- ПРОПАЖА – ЭТО ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ: *I disappear regularly, I lose contact regularly, no one checks on me and I like it this way [Ahern:23]. This was the longest search Jack had ever endured and he wished his brother would come out of his finding place now, show himself with that proud smile and end the game [Ahern: 39]*

Очевиден метафорический характер дискурсивной идентификации концепта ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON), иными словами можно представить реконструкцию сети концептуальной интеграции (блендинга), которая схематически раскрывает актуализацию названных когнитивных метафор в исследуемом дискурсе.

В первой когнитивной метафоре интегрируются две концепта – ПРОПАЖА и КАТАСТРОФА. Благодаря концептуальному картированию и проекции исходных пространств на интегрированное пространство получаем эмерджентную структуру, которая актуализирует вновь созданный образ, то есть, новый смысл. В этом эмерджентном смысле пропажа отдельных вещей и людей приобретет характер КАТАСТРОФЫ, поскольку пропавшие вещи, и тем более люди, так и не найдены. Пропаж человека действительно является КАТАСТРОФОЙ для его/ее близких, пропажа вещи приобретает катастрофический смысл для отдельного персонажа романа, так как становится причиной непреходящего беспокойства не только для этого персонажа (Сэнди Шортт), но и для всей ее семьи, лишая ее родителей спокойного отношения к жизненным событиям и порождая в них такое сильное душевное беспокойство, что оно трансформирует их жизнь. Персонажи романа не могут воспрепятствовать таким ПРОПАЖАМ или объяснить их, поэтому ПРОПАЖИ становятся для них настоящей КАТАСТРОФОЙ. Представим концептуальную интеграцию данной концептуальной метафоры в виде следующей схемы:

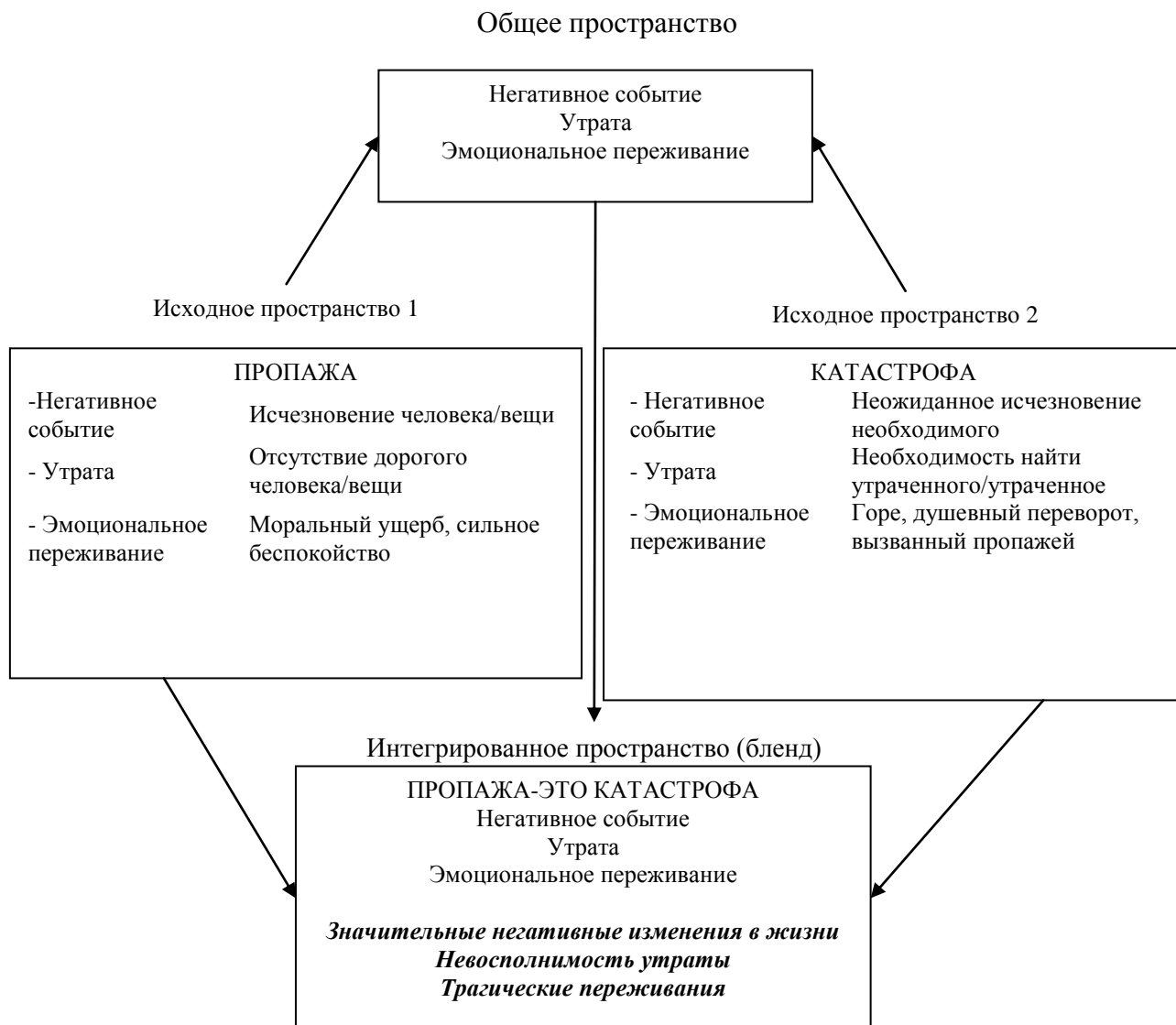

Рис. 1. Схема концептуальной интеграции концептуальной метафоры ПРОПАЖА – ЭТО КАТАСТРОФА

Во второй когнитивной метафоре представлены концепты ПРОПАЖА и ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ. В этом случае концептуальное картирование и проекция исходных пространств на интегрированное пространство приводит к эмерджентной структуре с новым смыслом: ПРОПАЖА (человека) происходит настолько часто, что переходит в ПРИВЫЧКУ, которую непонимающие сути проблемы люди принимают за КАПРИЗ: главный персонаж часто неожиданно уезжает, не сказав, куда и на какой срок, и также неожиданно появляется без предупреждения. Таким образом, неожиданные исчезновения Сэнди воспринимаются ее близкими как ее КАПРИЗ или ПРИВЫЧНАЯ линия поведения, и когда она действительно пропадает, семья не сразу понимает это. Представим схему концептуальной интеграции при образовании названного бленда:

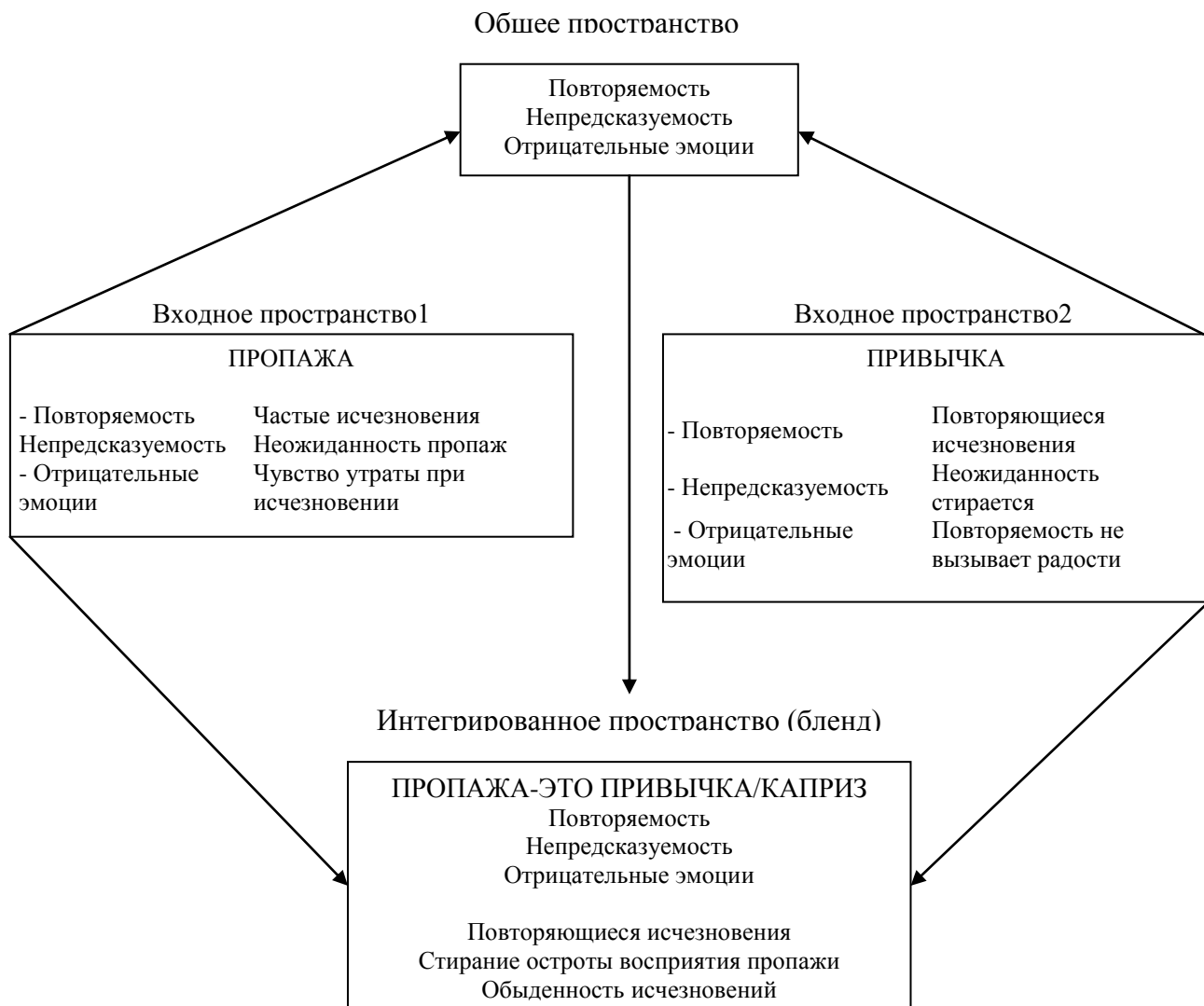

Рис. 2. Схема концептуальной интеграции концептуальной метафоры ПРОПАЖА – ЭТО ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ

Концепт ПОИСК/SEARCH обнаруживает такие дискурсивные идентификации:

- ПОИСК – ЭТО ПРОФЕССИЯ: *I'm in the business of searching and I know how it works [Ahern: 23]. "I run a missing persons agency, Bobby."* [Ahern: 310].

В данной когнитивной метафоре бленд образуется концептами ПОИСК и ПРОФЕССИЯ. Поскольку для персонажа (Сэнди Шортт) разыскивание пропавших вещей становится насущной необходимостью, граничащей с наваждением, и беспокойство из-за исчезнувших людей ее никогда не покидает, она ставит свой ПОИСК на ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ основу, сначала работая в отделе по розыску пропавших людей в полиции Ирландии, а потом открыв собственное бюро ПОИСКА исчезнувших людей.

- ПОИСК – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: *When my favourite pair of socks went missing I turned the house upside down while my worries*

parents looked on, not knowing what to do [Ahern: 4]. I felt for my wrist to check the time and remembered again my watch was gone. My heart started to pound as it always did when something of mine was missing. I would immediately become restless and ache to start looking. My hunts were like an addiction, the feeling pre-search like craving [Ahern: 245].

В этом случае образование интегрированного пространства происходит на базе концептов ПОИСК и ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. ПОИСК с раннего возраста становится важным элементом жизни Сэнди после каждого случая исчезновения какой-либо вещи. Она не только оставляет для ПОИСКА все остальные занятия, но и вовлекает в процесс своих родителей, для нее является НЕОБХОДИМОСТЬЮ узнать, в какое место попадают вещи и люди, которые неожиданно теряются или исчезают. НЕОБХОДИМОСТЬ становится настолько очевидной, что окружающие склонны рассматривать ее как аномалию.

Концепт НАХОЖДЕНИЕ/FINDING определяется в анализируемом дискурсе следующим образом:

- НАХОЖДЕНИЕ – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ: *They disappeared during a school camping trip in the sixties and were never found. But there they were now, older, wiser and their innocence lost. I had found them [Ahern: 56]. But I had a passion to just find. Finding this place was just one big answer to a life-long question that had caused me to sacrifice everything [Ahern: 122].*

Здесь базой образования интегрированного пространства являются концепты НАХОЖДЕНИЕ и ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ. НАХОЖДЕНИЕ того, что исчезло, занимало мысли Сэнди настолько, что она посвящала этому занятию все больше времени и, в сущности, ничего больше так не хотела, как НАЙТИ то/тех, что/кто исчез или потерялся. НАХОЖДЕНИЕ как процесс становится настолько важным, что приобретает форму ЖИЗНЕННОЙ ЦЕЛИ, к которой персонаж последовательно стремится, сделав этот процесс своей профессией и посвящая ей всю свою жизнь.

Представленные фрагменты показывают, что художественные концепты данного дискурса характеризуются незначительной вариативностью смысловых релятивов-ассоциаций. Это свидетельствует о вполне определенной интенции автора: направить внимание адресата на определенным образом организованные смыслы, тем самым как бы программируя выведение им имплицитных смыслов. Вполне очевидно, что выделенные концепты находятся в ассоциативно-смысловой связи между собой: ПРОПАЖА (то есть КАТАСТРОФА/ПРИВЫЧКА)→ПОИСК (то есть ПРОФЕССИЯ/ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ)→НАХОЖДЕНИЕ (то есть ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ).

Необходимо отметить высокую повторяемость вербализации данных концептов в дискурсе: на некоторых страницах актуализация концепта ПРОПАЖА/ MISSING THING (PERSON) доходит до 8; актуализация концепта ПОИСК/SEARCH – до 5. Была подсчитана также средняя частотность актуализаций художественных концептов этого дискурса: выделено общее

число всех вербализаций названных выше концептов по отношению ко всему объему текста. Так, средняя частотность ПРОПАЖА/ MISSING THING(PERSON) составляет 1,5 актуализации на страницу, для концепта ПОИСК/SEARCH было определено 0,7 актуализаций на страницу, средняя частотность концепта НАХОЖДЕНИЕ/FINDING – 0,2 актуализации на страницу. Столь высокая частотность актуализации художественных концептов дискурса обеспечивает предельную ясность интенции автора и выведение необходимых смыслов адресатом: персонаж считает реализацию своей жизненной цели – нахождение места, где находятся исчезнувшие люди и вещи, наивысшим счастьем и поэтому стремится к этому. Однако восприятие смыслов дискурса в целом обнаруживает наличие ДСН: достижение столь желанной цели оказывается лишь ИЛЛЮЗИЕЙ СЧАСТЬЯ, которое оборачивается для персонажа (Сэнди Шортт) глубокой печалью: ведь самые близкие ей люди (родители, любимый человек) ей не верят, все так же считая, что девушка немного не в себе.

Рассмотрим особенности создания и выведения указанного ДСН. Как было отмечено выше, в основе ДСН лежит выведение имплицитных смыслов разных видов имплицитной речи, которые несут такой смысл. Это выведение мы рассматриваем как первый когнитивный этап выведения собственно ДСН. В анализируемом дискурсе имплицитные смыслы выражены в неаллюзивных намеках, аллюзиях и символах, причем эти смыслы накапливаются по мере разворачивания дискурса. Проанализируем названные виды имплицитной речи и имплицитные смыслы, которые они несут, подробнее.

1. Намеки являются достаточно типичным способом создания имплицитных смыслов изучаемого дискурса. В современных лингвистических исследованиях намеков трактуется как косвенный способ выражения определенной интенции автора, выводимость которой обеспечивается смысловыми связями дискурса и предполагает некое когнитивное усилие, обеспечивающее логический вывод или цепочку таких выводов [напр., Куликова 2010; Weizman 1993]. Приведем пример повторяющихся намеков, которые содержатся в описании отношений Джека (брата которого ищет Сэнди) и его девушки Глории:

Gloria, his girlfriend of eight years, always slept. She had slept soundly through the entire year of Jack's horrid nightmare, and still she dreamed. Still she had hopes for tomorrow. She had fallen into a deep sleep after hours spent at the garda station, the first day they worried about not hearing from Donald after four days of silence. She slept after the gardai had spent the day searching the river for his body [Ahern: 31].

Множественность тематического повтора в приведенном выше фрагменте (частотность вербализаторов концепта СОН/SLEEP составляет 12 в пределах двух страниц текста при незначительной лексической вариативности и синтаксическом параллелизме), употребление подобных актуализаторов концепта СОН/SLEEP по всей ткани дискурса, а также смысловой контраст с

фрагментами текста, описывающими поступки Джека в тот же период (*He had stayed awake at nights looking through maps, rereading reports, double-checking times... Jack's horrid nightmare*) создают достаточно выразительный намек. Если прямую пропозицию (ПП), повторяющуюся в данном фрагменте дискурса, можно схематически представить как:

(ПП₁) *Gloria always slept when Jack couldn't sleep,*

то имплицитную пропозицию намека (ИП₁) в данном случае можно вывести таким образом:

(ИП₁) *Gloria wasn't attentive to Jack's worries.*

Gloria didn't understand Jack.

Другими словами, намек здесь имплицитно актуализируем концепт ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING.

Выведение данного имплицитного смысла предполагает действие когнитивного механизма **фокусирования** ('focusing' по Р. Ленекеру [Langacker 1990]), под которым понимается концентрация внимания только на той части понятия, которое важно в данной конкретной коммуникативной ситуации, при затухании ситуативно нерелевантной части этого понятия. В указанных примерах ситуативно важен имплицитный смысл отсутствия внимания и сопереживания, который накладывается на смысл прямой пропозиции *Gloria always slept/ She slept when Jack when Jack couldn't sleep with worry*. Именно этот смысл фокусируется, тогда как смысл прямых пропозиций выступает как бы *когнитивным фоном* [Голубева 2010: 33; Deane 1992; Langacker 1990], а помещенный в фокус имплицитный смысл намеков выступает как *фигура*. Представляется, что в данном случае использование терминов "фигура" и "фон" призвано обозначить выведение информации гештальта (имплицитно вербализованного концепта ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING), который характеризует интенцию автора и когнитивную деятельность адресата, причем, как отмечала Е.С. Кубрякова, структура такого гештальта не сводится к совокупности ее частей [КСКТ 1996: 185]. Иными словами, концепт-гештальт потенциально имплицитен, что наблюдается в приведенных примерах с намеками. Фокусирование необходимо связано с когнитивным механизмом проминантности ('prominence' по Р. Ленекеру [Langacker 1990]), которую также называют 'акцентированием понятийной сущности' [Жаботинская 2013:83], поскольку то, что интенционально выделено фокусом, становится более заметным, проминантным. Восприятие адресатом имплицитных смыслов рассматриваемого рода обеспечивается способностью человеческой когниции переключаться от одной структуры знания к другой, т.е. выделять в том или ином объекте главное и второстепенное, или уже упомянутые фигуру и фон. При этом происходит переключение фокусов внимания, что обеспечивает возможность для человека сосредотачиваться на все новых фрагментах информации. То есть, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, облекая информацию в форму последовательности высказываний, любой автор каждый раз необходимо соотносит информацию,

необходимую для передачи адресату, со своим опытом, оценками, стереотипами [Болдырев 2006: 56] таким образом, чтобы адресат проделал такие же когнитивные операции и задействовал такие же когнитивные механизмы. Поэтому можно отметить, что выведение имплицитных смыслов также связано с когнитивным механизмом **профилирования**, то есть выделения тех характеристик предметов коммуникации, которые особенно релевантны для данного фрагмента дискурса или дискурса в целом. Так, при выведении описанных выше имплицитных смыслов профилирование обеспечивает проминантность именно имплицитных пропозиций намека (ИП₁) на фоне прямой пропозиции (ПП₁).

Этот же концепт (ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING) актуализуется во фрагментах дискурса, повествующих об отношении родителей Сэнди к ее странностям. Например:

I didn't have a bad relationship with my parents. ... Ever since I was ten they had tiptoed around me, watched me warily. They had pretend conversations and false laughs that echoed around the house. They would try to distract me, create an ease and normality in the atmosphere, but I knew that they were doing it and why, and it only made me aware that something was wrong [Ahern: 12].

I think that's the moment I began to hate seeing myself in their eyes, and unfortunately it was the beginning of my dislike of being in their company [Ahern: 59].

Здесь выведение имплицитного смысла намеков основано на цепочках пошаговых умозаключений адресата из описаний поведенческих особенностей участников коммуникативной ситуации анализируемого дискурса:

- 1) Родители относились к Сэнди бережно, но настороженно → Они пытались искусственно привести ситуацию к норме → Родители не знали, в чем причина странности их дочери.
- 2) Сэнди чувствовала растерянность родителей → Она страдала от их беспомощности в этой ситуации → Она видела, что не найдет понимания у родителей.

Такие цепочки умозаключений разворачиваются в ментальной деятельности адресата из-за неконтролируемых им когнитивных особенностей словесных ассоциаций, которые, по свидетельству исследователей, возникают через сознательно ориентированные распознавания, опирающиеся на аксиологические, логические или/и эмотивные ориентиры, которые могут быть выражены через понятия [Santos 2010]. Прямые (ПП₂) и имплицитную (ИП₂) пропозиции можно представить для приведенных выше намеков следующим образом:

(ПП₂): *Sandy's parents were watching her warily.*

They didn't share Sandy's discontent.

Their behaviour demonstrated that something was wrong with Sandy.

Sandy disliked being in her parents' company.

(ИП₂): *Sandy's parents did understand her. This lack of understanding spoilt the climate in the family.*

Выведение имплицитного смысла (ИП₂) представленных выше намеков предполагает, как было указано, когнитивную операцию умозаключение, представляющую собой (по Р. Ленекеру) составляющий элемент когнитивного механизма **спецификации**, при котором происходит сужение, конкретизация смысла. Действительно, при выведении имплицитного смысла показанных намеков адресату требуется сузить информацию прямых пропозиций (ПП₂), которая выступает когнитивным фоном, и вывести имплицитный смысл (ИП₂), выступающий как фигура, на основании фокусирования (проминантности) и профилирования.

2. Особая роль с созданием имплицитных смыслов в анализируемом дискурсе принадлежит аллюзиям (всего выделено 79 текстовых фрагментов, где актуализированы аллюзии, причем для данного дискурса характерна высокая плотность употребления аллюзий), в особенности литературным аллюзиям, которые составляют около 30%. Выведение имплицитных смыслов таких аллюзий также коррелируют с когнитивными операциями фокусирования и профилирования. Однако представляется, что превалирует именно механизм спецификации, поскольку восприятие аллюзий базируется на обобщении и сравнении. Обобщение, как сущностный компонент спецификации, здесь имеет повышенную значимость, так как включает экспрессивно-образный элемент, присущий литературным аллюзиям [Дронова 2004; Thomas 1986:92]. Наибольшей частотностью и дискурсивной значимостью отмечены аллюзии на повесть американского писателя "The Wizard of Oz" (L. Frank Baum). Рассмотрим имплицитные смыслы таких аллюзий:

'OK, well, it's a children's movie,' I stressed to Helena, 'made in the thirties about a little girl called Dorothy Gale who is swept away in a cyclone to a magical land. Once there, she embarks on a quest to see the wizard, who can help her return home. It's ridiculous to ask a group of adults to do it.' I laughed, but realized no one was laughing with me.

'And this wizard, does he help her?'

'Yes,' I said slowly, feeling it odd the story was being taken so seriously. 'The wizard helps her and she learns that she could have returned home the whole time. All she had to do was tap her ruby heels together and say 'There's no place like home, there's no place like home.'

'He still didn't laugh. 'So she returns home in the end?'

There was a silence and I finally understood why. I nodded slowly.

'And what does she do while she's in this magical land?'

'She helps her friends,' I said quietly.

'It doesn't seem such a silly story to me,' Joseph said seriously. 'One the people here will very much like to see.'

I thought about that. In fact, I thought about it all night, until I was dreaming of ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches, until the

phrase “There’s no place like home” was echoing so loudly and continuously in my head that I woke up saying it aloud and I was afraid to go back to sleep [Ahern 260-261].

Эта развернутая аллюзия имплицитно актуализует ключевой концепт ПОИСК/SEARCH, который здесь имеет признаки концепта-сценария: и для самого романа “A Place Called Here” и для вышеназванной повести-аллюзии поиск (в частности, его релятив – поиск пути домой) является центральной проблемой. Кроме того, ассоциации с повестью-сказкой, где речь идет о нереальном событии, усиливает ассоциации нереальности происходящего в месте под названием *Here* в анализируемом дискурсе.

Ассоциация с нереальностью поиска прослеживается также в другом фрагменте с аллюзиями на ту же повесть:

‘I need a heart,’ Derek cried out. ‘I need a brain,’ Bernard announced theatrically. ‘And I need courage,’ Marcus said quietly in his bored tone. The audience laughed as they all hopped off with Dorothy stage right, arm in arm [Ahern: 505]. – Здесь имплицитно показана тщетность поиска для сказочных персонажей (один из них ищет сердце, другой – мозги, третий – храбрость; смех зрителей также является имплицитным сигналом нереальности и тщетности поиска).

Рассмотрим особенности выведения имплицитных смыслов приведенных выше аллюзий. Мы исходим из обоснованной в целом ряде современных исследований аллюзий точке зрения, согласно которой аллюзия представляет собой особый прием построения текста, сложный текстовый намек, отличительным признаком которого является интертекстуальность [Карасик 2005; Поляковська 2014; Ярошевич 2012]. Интертекстуальность аллюзии выражается в том, что аллюзивная единица как элемент претекста, снова возвращается в текст как компонент дискурса, уже обогащенная дополнительными смыслами, ассоциациями и новым содержанием, которые индивидуальны для каждого дискурса. Иными словами, аллюзия выступает инструментом извлечения дополнительной информации из уже известного образа – прецедентного текста. Как справедливо отмечает И.С. Ярошевич, отличительной чертой аллюзивного процесса является способность аллюзии как вида скрытого смысла передавать не только некое имплицитное содержание, но и привносить ‘чужое слово’, что подразумевает знание адресатом прецедентных текстов [Ярошевич 2012:119]. Интенциональность аллюзии проявляется в анализируемом дискурсе чрезвычайно выпукло: трудно найти адресата, незнакомого с данным прецедентным текстом.

Отметим, что актуализация аллюзий и выведение имплицитных смыслов происходит по тем же когнитивным механизмам, которые типичны для актуализации намеков в целом: фокусирования, профилирования и спецификации. Однако в случае с аллюзиями особая роль принадлежит когнитивному механизму **перспективизации**, впервые описанному Ч. Филлмором в его теории фреймов; согласно этой теории лексическое значение способно передавать определенную ситуацию, соотносимую с

фреймом знания посредством 'перспективы', а это предполагает перспективизацию отдельных элементов фрейма [Болдырев 2000; Паршина 2016]. В случае с аллюзиями на передний план выдвигается смысл фрагментов прецедентных текстов, который служит базой для формирования новых имплицитных смыслов текста и дискурса, в котором данная аллюзия актуализуется. Имплицитные смыслы аллюзий (ИС₃) приведенных выше фрагментов дискурса, которые выводятся на основании смыслов прецедентного текста (СПТ), можно схематично представить так:

а) (СПТ): Dorothy is swept away in a cyclone to a magical land

Перспективизация

(ИС₃): All people from 'Here' were swept there by some unknown force.

б) (СПТ): She could have returned home the whole time

Перспективизация

(ИС₃): It was probably possible to return home from 'Here'.

в) (СПТ): All she had to do was tap her ruby heels together and say 'There's no place like home'

Перспективизация

(ИС₃): Sandy had to follow Dorothy's actions at a certain moment, and this would bring her home.

Приведенные схемы иллюстрируют особенность перспективизации при выведении имплицитных смыслов в дискурсе: выделенность определенных фрагментов смысла прецедентных текстов носит временный характер и зависит только от смысла данного анализируемого дискурса. Следует отметить, что приведенный выше фрагмент демонстрирует действие вторичного профилирования при выведении аллюзии. Это наблюдается в следующей части фрагмента:

I thought about that. In fact, I thought about it all night, until I was dreaming of ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches, until the phrase "There's no place like home" was echoing so loudly and continuously in my head that I woke up saying it aloud and I was afraid to go back to sleep.

Здесь очевидно, что фрагменты прецедентного текста *ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches* и *the phrase "There's no place like home"* под действием профилирования и перспективизации становятся фактом нового дискурса и его атмосферы, и их имплицитный смысл (ИС₃) приобретает дополнительный имплицитный смысл (ИС_{3a}): These things and words refer to Sandy in her reality. Этот имплицитный смысл (ИС_{3a}), возникающий на основе ассоциаций с элементами прецедентного текста, приобретает в анализируемом фрагменте функцию метафоры. Происходит переосмысление значения аллюзии как знака прецедентного текста, поскольку

соотношение с объектом сравнения (*ruby slippers, cyclones, houses that fell on witches, the phrase "There's no place like home"*) является непрямым. То есть, данный имплицитный смысл как бы накладывается на ранее актуализированный имплицитный смысл. Важно отметить также, что указанный имплицитный смысл находит непосредственную реализацию в дальнейшем развертывании дискурса: Сэнди произносит приведенную фразу, постучав бутафорскими рубиновыми туфельками, во время спектакля, где она играет роль Дороти, и оказывается в своей нормальной реальности, в городе, где она жила в действительности. Она буквально падает откуда-то с высоты и получает травму.

Выведение имплицитных смыслов аллюзивных высказываний необходимо включает когнитивный процесс **дефокусирования** ('defocusing' по Р. Ленекеру [Langacker 1987]), при котором происходит частичное или полное подавление несущественных компонентов смысла, стоящих за смысловой единицей. В данном случае наблюдаем частичное подавление смыслов аллюзий как компонентов прецедентных текстов: в анализируемом дискурсе актуализируются только те части смысла названных аллюзий, которые релевантны для данного дискурса.

3. Первый этап создания автором и выведения адресатом ДСН включает также выведение имплицитного смысла символов. В современной лингвистике текста символ понимается как комбинированный многозначный образ, скрывающий конкретный и ассоциативный смысл; это условное обозначение определенного предмета или явления при помощи других предметов или явлений на основе общего признака, частичного или приблизительного подобия, которое основано на ассоциативной передаче глубинной сути означаемого слова [Святовец 2011:151]. Уже данное определение содержит указание на имплицитный и ассоциативный характер символов, что предполагает необходимость выведения скрытых смыслов. Выделенные в данном дискурсе символы актуализируют концепт ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON). Таких символов в анализируемом дискурсе всего три, и они представлены словами, которые называют группы пропавших вещей Сэнди: *sock/socks, watch, Mr. Pobbs* (потерянный игрушечный медвежонок). Их смысловая нагрузка обеспечивается действием когнитивных механизмов фокусирования и перспективизации, подобно смысловой нагрузке аллюзий. Символическое значение приобретает также имя исчезнувшей девочки *Jenny-May Butler*, поскольку именно ее исчезновение было первым в жизни Сэнди. Действие перспективизации проявляется особенно четко, поскольку названные символы вербализируют только контекстуально детерминированную часть своего значения, а именно только названный концепт ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON). Любые другие потенциально возможные значения несимволического характера данных единиц подавлены в анализируемом дискурсе. Рассмотрим примеры:

'What pair are they?' ... 'My blue ones with the white stripes' I answered on the typical occasion I insisted on bright coloured socks, bright and identifiable so that they could easily be found [13]. The sock made me feel better because it was the brightest thing I'd ever seen", he laughed. 'It was even labeled, for Christsake' [288]. – Этот символ повторяется в тексте 17 раз.

– I liked Jenny-May Butler a lot more when she was gone than when she was here and that also interested me [3]. 'What made you want to find missing people? It's such an unusual career.'

I laughed. 'Now there's a question.' I thought back to when it all began. 'Two words,' I smiled. 'Jenny-May Butler. She lived across the road from me when I was a child in Leitrim, but she went missing when she was ten.' [455]. – Частотность повторения этого символа составляет 11.

– Staring up at me with his one eye was my dear friend Mr Pobbs [291]. 'I told you I'd find you, Mr Pobbs, ' I whispered [293]. – Частотность этого символа – 5.

Символический смысл всех приведенных единиц детерминирован не только их частотностью, но и тем, что они актуализируют не только концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON), а и его релятив ПРОПАЖА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАЙДЕНА, таким образом имплицитно создается когнитивное взаимодействие между концептами ПРОПАЖА/MISSING THING(PERSON) и НАХОЖДЕНИЕ/FINDING.

Схематически выведение имплицитных смыслов приведенных дискурсивных символов можно изобразить, показав взаимодействие прямых пропозиций ПП₄ и имплицитных смыслов ИС₄ которые образуются на основе многочисленных дискурсивных тематических цепочек и целого ряда умозаключений:

ПП₄: Socks are found. Mr Pobbs is found. Jenny-May Butler is alive and has her own family.

ИС₄: Sandy's long search is over. Sandy has found the place the longed to find.

Выведение ДСН анализируемого дискурса представляет собой второй этап выведения имплицитных смыслов, в результате которого в сознании адресата создается смешанное эмергентное пространство, сложный бленд на основе нескольких входных ментальных пространств – имплицитного смысла намеков ИП₁ и ИП₂ (ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING), аллюзий ИС₃ (ПОДОБНОЕ УЖЕ БЫЛО; ПОТЕРЯННЫЕ НАЙДЕНЫ) и ИС_{3a} (УЖЕ ИЗВЕСТНОЕ ОТНОСИТСЯ К НАСТОЯЩЕМУ; ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНО) и символов ИС₄ (ПОИСК ЗАКОНЧЕН, СЭНДИ ДОКАЗАЛА СЕБЕ И ВСЕМ ПРАВИЛЬНОСТЬ СВОИХ СТРЕМЛЕНИЙ), и при участии когнитивных процессов достраивания и развития ('completion' и 'elaboration' по Ж. Фоконье [Fauconnier 2002]) когнитивная деятельность адресата способна вывести интендованную автором имплицитную информацию ДСН: УДОВЛЕТВОРЕНИЕ И РАДОСТЬ ОТ НАХОЖДЕНИЯ МЕСТА ИСЧЕЗНУВШИХ ВЕЩЕЙ/ЛЮДЕЙ ЕСТЬ ИЛЛЮЗИЯ. Следует подчеркнуть, что указанные когнитивные операции при

образовании сложного бленда происходят во взаимодействии с процессами актуализации и восприятия названных выше ключевых концептов анализируемого дискурса. Полученная гибридная структура – сложный бленд содержит в себе элементы входных пространств, которые образуют смысловое и логическое противоречие: все усилия и душевные стремления персонажа приносят ей успех, который никто из её близких не понимает и внутренне не принимает. Представим схему выведения ДСН для данного дискурса:

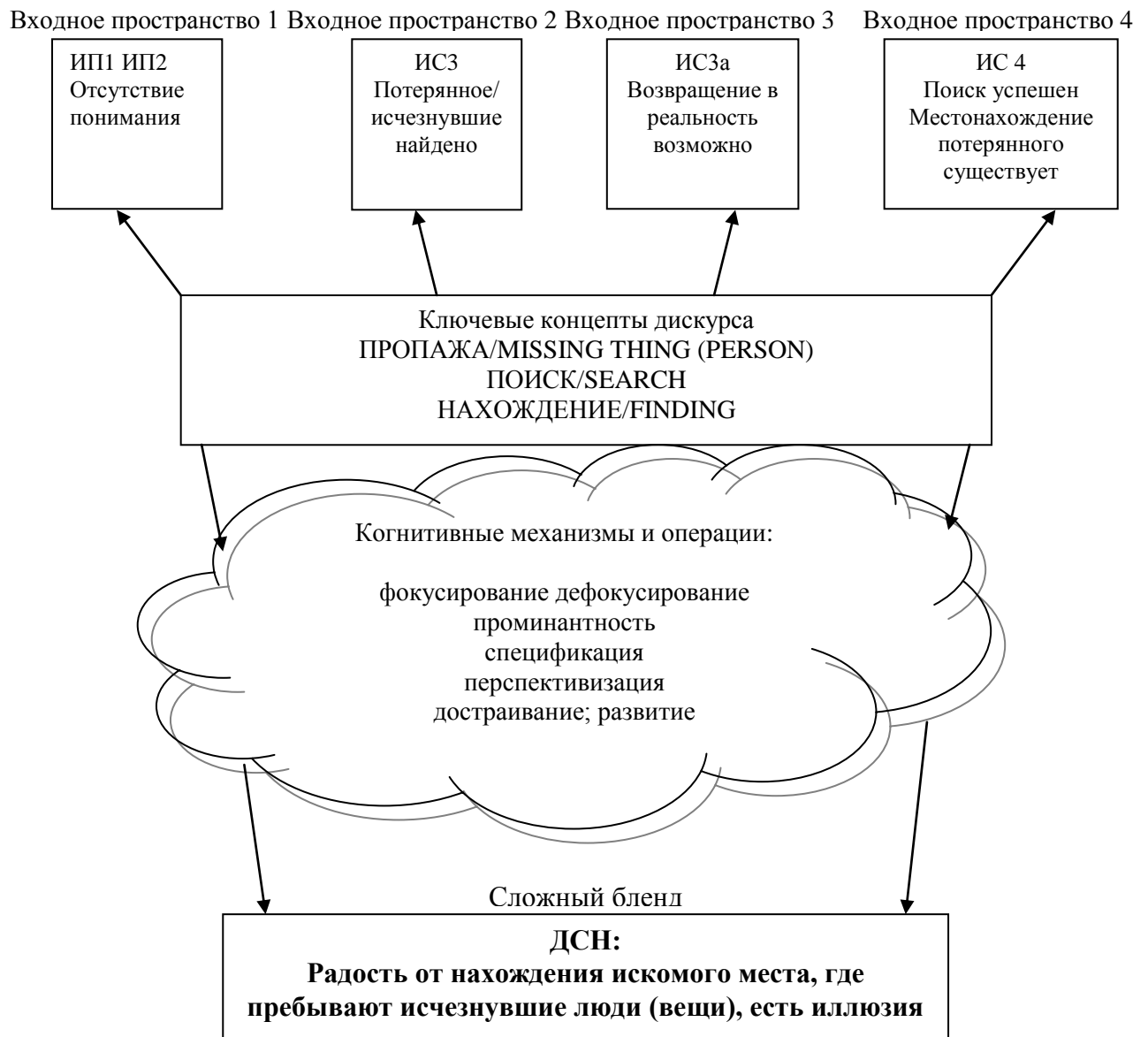

Рис. 3. Схема образования/выведения сложного бленда - дополнительных смысловых нюансов для дискурса романа “A Place Called Here”.

Схема показывает, что все виды имплицитных смыслов, которые выводятся в данном дискурсе, во взаимодействии с его ключевыми концептами, служат когнитивными компонентами для выведения ДСН. Таким образом, выведение ДСН можно смоделировать следующим образом:

- информационной и когнитивной базой ДСН является сам дискурс с его эксплицитными и имплицитными смыслами, который представляет основание модели;
- из этого основания восходит некоторое число двунаправленных векторов, которые являются знаками имплицитных смыслов, выведенных в данном дискурсе; для каждого дискурса количество таких векторов индивидуально, однако направления одинаковы;
- выведение всех имплицитных смыслов, а также ДСН, происходит во взаимодействии с ключевыми концептами данного дискурса;
- выведение ДСН происходит в два этапа при участии таких когнитивных механизмов как профилирование и вторичное профилирование, фокусирование/дефокусирование, которые предполагают проминантность, спецификацию, перспективизацию, достраивание и развитие;
- ДСН представляются в виде сложного бленда, который является суммарной проекцией всех этих векторов, и в смысловом плане заключает своеобразный имплицитный когнитивный вывод.

Представляется, что ДСН художественного дискурса можно образно охарактеризовать как его “духовную сущность”. Очевидно, что выведение ДСН возможными адресатами может значительно варьироваться из-за индивидуального характера ассоциаций, а также из-за вариативности культурологического и информационного тезауруса.

Выводы. Дополнительные нюансы смысла художественного дискурса представляют собой особый вид имплицитной информации – когнитивный феномен, суммарную проекцию всех имплицитных смыслов данного дискурса, выведение которой происходит во взаимодействии с актуализацией его ключевых концептов и обеспечивается действием ряда когнитивных механизмов (профилирование и вторичное профилирование, фокусирование/дефокусирование, которые предполагают проминантность, спецификацию, перспективизацию, достраивание и развитие) в их взаимодействии. Выведение ДСН, которые могут быть представлены в виде модели, происходит в два этапа. Подобно имплицитным смыслам дискурса, ДСН имеют концептуальную природу. Выведение ДСН может значительно варьироваться в зависимости от определённых параметров адресата.

Литература

1. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі: монографія /Л.Р. Безугла. – Харків: ХНУ імені В.В. Каразіна, 2007. – 332 с.
2. Безугла Л.Р. Імпліцитні смисли з позицій когнітивної прагмалінгвістики / Л.Р. Безугла // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2008. – № 805. – С. 25–30.
3. Безугла Л.Р. Когнітивно-прагматичні характеристики імпліцитних смислів у німецькомовному дискурсі: автореф. дис. ... д-ра філол. наук:10.02.04/Безугла Л.Р. – К., 2009. – 28 с.
4. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти /Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Наука, 1987. – С. 88-125.
5. Болдырев Н.Н., Дубовицкая Е.Ю. Когнитивный механизм формирования смысла “приблизительность” на материале современного английского языка / Н.Н. Болдырев, Е.Ю. Дубовицкая // Вопросы когнитивной лингвистики: Сб. научных работ. – №1(007). – Тамбов: Изд-во Тамбовск. гос. ун-та, 2006. – С. 55-60.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка/Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Коллектив. монограф. – Москва – Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 25 -77.
7. Галоян Я.Э. Межкультурные аспекты языка деловых переговоров/Я.Э. Галоян // Личность, речь и юридическая практика: Сборник науч. трудов. – Вып. 16. – Ростов-н/Д: ДЮИ, 2013. – С. 43-46.
8. Голубева Н.А. Когнитивные принципы, механизмы и операции в грамматике Н.А. Голубева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №1. – С. 32-35.
9. Давидюк Ю.Б. Ефект ошуканого очікування у семантичній, темпоральній та сюжетній структурі англomовного художнього дискурсу: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Давидюк Ю. Б. – К.: КНЛУ, 2014. – 223 с.
10. Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ...д-ра филол. наук:10.02.04 / В.В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 40 с.
11. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация: монография. – М.: Гнозис, 2006. – 560 с.
12. Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 //Жанры речи. – №1(9). – Саратов: СНИУ имени Н.Г. Чернышевского, 2013. – С. 23-48.
13. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М.: Моск. гос. ин-т иностр. языков им. М. Тореца, 2001. – №1. – С. 35-47.
14. Демьянков В.З. Термин “концепт” как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла: сб. статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – С.606-622.

15. Дронова Е. М. Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века). – [Электронный ресурс] / Е. М. Дронова. – Режим доступа: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2004-01/lin0401_15.pdf
16. Жаботинская С.А. Сетевая семантика. Теория и практика / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. – Вып. XIV : Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всерос. науч. конф. 11-12 апреля 2013 года / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. – Москва-Тамбов: Ин-т языкознания РАН, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 81-86.
17. Карасик В.И. Концепты-регулятивы/ В.И.Карасик// Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных и А. И. Изотов. – М.: Макс Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 131-141.
18. Красовская Н.В. Художественный концепт: методы и приемы исследования /Н.В. Красовская// Известия Саратовск. ун-та. – Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – Вып.4. – С. 21-24.
19. КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов /Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 212 с.
20. Куликова М.А. Коммуникативно-прагматический портрет косвенных речевых актов в пословичном дискурсе. – 2010. – [Электронный ресурс] / М.А. Куликова. – Режим доступа: kpfu.ru/staff_files/F1593067235/Kulikova_st.pdf
21. Масленникова А.А.Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. ...доктора филол. наук:10.02.04/ Масленникова Алла Александровна. – Санкт-Петербург, 1999. – 40 с.
22. Матвеева Г.Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике. – Ростов н/Д, 2003. (Електронний ресурс). – Режим доступа: <http://rspu.edu.ru/projects/deytch/note32.html>.
23. Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селивестрова Л.Н. Два направления в современной прагмалингвистике //Вестник Санкт-Петербургск. ун-та. – Вып.1. – Ч.II. – 2009. – Серия 12. – С.77-90.
24. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поезії Шекспіра: [монографія] / В. Г. Ніконова. – Д.: ДУЕП, 2008. – 364 с.
25. Ніконова В.Г. Художній концепт:процедури реконструкції та моделювання (на матеріалі трагедій В. Шекспіра)/ В.Г. Ніконова// Вісник Київськ. національн. ун-ту. Серія: Філологія. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2011. – Т.14, №2. – С.113-122.
26. Паршина Е.О. Когнитивные основы формирования значения аппелятивов-топонимов. – 2016. – [Электронный ресурс]/Е.О. Паршина. – Режим доступа: www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/yazik-kultura-prof.../parshina.pdf
27. Пірог. І.І. Аргументація в аспекті когнітивних операцій / І.І. Пірог// Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація.: Тези доповідей XIV наук.

- конференції з міжнарод. участю. – Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С.182-183.
28. Поляковська Ю.В. Замо́вчування і натяк як засоби вираження непрямой інформації / Ю.В. Поляковська. – 2014. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ukrsense.dp.ua/index.php/USENSE/article/view/85
29. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
30. Радзівська Т.В. Текст як засіб комунікації: [монографія] / Тетяна Вадимівна Радзівська. – К.: Інформ. аналіт. агентство, 2010. – 491 с.
31. Самарина И.В., Похлебина А.А. Прагматика мультипликационного дискурса /И.В. Самарина, А.А. Похлебина // Личность, речь и юридическая практика: Сборник науч. трудов. – Вып. 16. – Ростов-н/Д: ДЮИ, 2013. – С.183-186.
32. Святовець В.Ф. Словник тропів і стилістичних фігур / В.Ф. Святовець. – К.: Академія, 2011. – 172 с.
33. Телия В.Н. Коннотативный аспект номинативных единиц / Московск. гос. ун-т./ В.Н. Телия – М.: Просвещение, 1986. – 312 с.
34. Черкасова И.П., Ткачев М.А. Основополагающие концепты фикционального дискурса Р. Брэдбэри (на примере романа “Вино из одуванчиков” /И.П. Черкасова, М.А. Ткачев // Филологич. Науки. Вопросы теории и практики. – №8(50). – Ч.2. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 206-209.
35. Шевченко И.С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И.С. Шевченко// Вісник ХНУ. Харків: ХНУ, 2006. – №725. – С.192-195.
36. Шевченко И.С. Абрис когнітивного вектора прагмалінгвістики / И.С. Шевченко, И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник ХНУ. Харків: ХНУ, 2008. – №811. – С. 3-7.
37. Ярошевич И.С. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в публичной политической коммуникации /И.С. Ярошевич // Вестник Полоцкого гос.ун-та. – №15. – 2012. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: [\[jaroshevich_2012-15-p.117.pdf\]](http://jaroshevich_2012-15-p.117.pdf)
38. Ahern C. A Place Called Here. – L.: Harper, 2007. – 485 p.
39. Deane P. D. Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax / P. D. Deane. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
40. Fauconnier G. The way we think: conceptual blending and the mind’s hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
41. Kuznyetsova A. Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm // New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015) – Book of Abstracts. 12-14 April, 2015. – Lodz: University of Lodz. – P.93.
42. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. I. Theoretical Prerequisites. –Stanford, California: Stanford Univ. Press. –1987. – 628 p.
43. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.

44. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction /R. W. Langacker. – Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, Inc., 2008. – 573 p.
45. Santos A., Chaigneau S.E., Simmons W.K., Barsalou L. W. Property generation reflects word association and situated stimulation, 2010. – (Электронный ресурс). – Режим доступа: www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloadloads,6831_en.pdf
46. Thomas R.F. Virgil's "Georgics" and the art of reference / R.F. Thomas // Harvard Studies in Classical Philology. – 1986. – № 90. – P. 71-98.
47. Weizman E. Interlanguage Requestive Hints //Interlanguage Pragmatics. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 1993. – P.124-128.

References

1. Bezugla L.R. Verbalizaciya implicytnyh smysliv u nimeczkomovnomu dialogichnomu dyskursi: monografiya /L.R. Bezugla. – Xarkiv: XNU imeni V.V. Karazina, 2007. – 332 s.
2. Bezugla L.R. Implicytni smysly z pozycij kognityvnoyi pragmalingvistyky / L.R. Bezugla // Visnyk XNU im. V.N. Karazina. – 2008. – 805. – S. 25–30.
3. Bezugla L.R. Kognityvno-pragmatychni xarakterystyky implicytnyh smysliv u nimeczkomovnomu dyskursi: avtoref. dys. ... d-ra filol. nauk:10.02.04/Bezugla L.R.. – K., 2009. – 28 s.
4. Blakar R. Jazyk kak instrument socialnoj vlasti /R. Blakar // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija. – M.: Nauka, 1987. – S. 88-125.
5. Boldyrev N.N., Dubovickaja E.Ju. Kognitivnyj mehanizm formirovanija smysla “priblizitel'nost” na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka / N.N. Boldyrev, E.Ju. Dubovickaja // Voprosy kognitivnoj lingvistiki: Sb. nauchnyh rabot. – №1 (007). – Tambov: Izd-vo Tambovsk. gos. un-ta, 2006. – S. 55-60.
6. Boldyrev N.N. Konceptual'naja osnova jazyka/N.N. Boldyrev // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. IV. Konceptualizacija mira v jazyke: Kollektiv. monograf. – Moskva – Tambov: In-t jazykoznanija RAN; Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. – S. 25 -77.
7. Galojan Ja.Je. Mezhkul'turnye aspekty jazyka delovyh peregovorov/Ja.Je. Galojan // Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika: Sbornik nauch. trudov. – Vyp. 16. – Rostov-n/D: DJuI, 2013. – S. 43-46.
8. Golubeva N.A. Kognitivnye principy, mehanizmy i operacii v grammatike N.A. Golubeva // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2010. – №1. – S. 32-35.
9. Davydjuk Ju.B. Efekt oshukanoho ochikuvannja u semantychnij, temporalnij ta sjuzetnij strukturi anhlomovnoho xudozhn' oho dyskursu: dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / Davydjuk Ju. B. – K.: KNU, 2014. – 223 s.
10. Dement'ev V.V. Osnovy teorii neprjamoj kommunikacii: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk: 10.02.04 / V.V. Dement'ev. – Saratov, 2001. – 40 s.
11. Dement'ev V.V. Neprjamaja kommunikacija: monografija. – M.: Gnosis, 2006. – 560 s.

12. Dement'ev V.V. Aktualnye problemy neprjamoj kommunikacii i ejo zhanrov: vzgljad iz 2013// Zhanry rechi. – №1(9). – Saratov: SNIU imeni N.G. Chernyshevskogo, 2013. – S. 23-48.
13. Dem'jankov V.Z. Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke / V.Z. Dem'jankov // Voprosy filologii. – M.: Mosk. gos. in-t inostr. jazykov im. M. Toreza, 2001. – № 1. – S. 35-47.
14. Dem'jankov V.Z. Termin "koncept" kak jelement terminologicheskoy kul'tury / V.Z. Dem'jankov // Jazyk kak materija smysla: sb. statej v chest' akademika N.Ju. Shvedovoj. – M.: Azbukovnik, 2007. – S.606-622.
15. Dronova E. M. Problemy perevoda stilisticheskogo priema alljuzii v anglo-irlandskoj literature pervoj poloviny XX veka). – [Elektronnyj resurs] / E. M. Dronova. – Rezhim dostupa: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2004-01/lin0401_15.pdf
16. Zhabotinskaja S.A. Setevaja semantika. Teorija i praktika / S.A. Zhabotinskaja // Kognitivnye issledovaniya jazyka. – Vyp. XIV: Kognitivnaja lingvistika: itogi, perspektivy: mat-ly Vseros. nauch. konf. 11-12 aprelja 2013 goda / otv. red. vyp. L.A. Furs. – Moskva-Tambov: In-t jazykoznanija RAN, Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. – S. 81-86.
17. Karasik V.I. Koncepty-reguljativy/ V.I. Karasik// Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej / Otv. red. V. V. Krasnyh i A. I. Izotov. – M.: Maks Press, 2005. – Vyp. 30. – S. 131-141.
18. Krasovskaja N.V. Hudozhestvennyj koncept: metody i priemy issledovaniya /N.V. Krasovskaja// Izvestija Saratovsk. un-ta. – Serija: Filologija. Zhurnalistika. – 2009. – Vyp.4. – S. 21-24.
19. KSKT: Kratkij slovar' kognitivnyh terminov /E.S. Kubrjakova, V.Z. Dem'jankov, Ju.G. Pankrac, L.G. Luzina. – M.: Filol. fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. – 212 s.
20. Kulikova M.A. Kommunikativno-pragmaticeskij portret kosvennyh rechevyh aktov v poslovichnom diskurse. – 2010. – [Elektronnyj resurs] / M.A. Kulikova. – Rezhim dostupa: kpfu.ru/staff_files/F1593067235/Kulikova_st.pdf
21. Maslennikova A.A. Skrytye smysly i ih lingvisticheskaja interpretacija: avtoref. ...doktora filol. nauk:10.02.04/ Maslennikova Alla Aleksandrovna. – Sankt-Peterburg, 1999. – 40 s.
22. Matveeva G.G. Njuansy smysla v skrytoj pragmalingvistike. – Rostov n/D, 2003. (Elektronnyj resurs). – Rezhim dostupa: <http://rspu.edu.ru/projects/deytch/note32.html>.
23. Matveeva G.G., Samarina I.V., Selivestрова L.N. Dva napravlenija v sovremennoj pragmalingvistike //Vestnik Sankt-Peterburgsk. un-ta. – Vyp.1. – Ch.II. – 2009. – Serija 12. – S.77-90.
24. Nikonova V.H. Trahedijna kartyna svitu v poetyci Shekspira: [monohrafija]/ V. H. Nikonova. – D.: DUEP, 2008. – 364 s.

25. Nikonova V.H. Xudozhnij koncept: procedury rekonstrukciji ta modeljuvannja (na materialy trahedij V. Shekspira)/ V.H. Nikonova// Visnyk Kyjivs' k. nacional' n. un-tu. Serija: Filolohija. – K.: Vyd. centr KNLU, 2011. – T.14, 2. – S.113-122.
26. Parshina E.O. Kognitivnye osnovy formirovanija znachenija apeljativov-toponimov. – 2016. – [Elektronnyj resurs]/ E.O. Parshina. – Rezhim dostupa: www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/yazik-kultura-prof.../parshina.pdf
27. Piroh. I.I. Arhumentacija v aspekti kohnityvnyx operacij / I.I. Piroh// Karazins' ki chytannja: Ljudyna. Mova. Komunikacija.: Tezy dopovidej XIV nauk. konferenciji z mižnarod. uchastju. – Xarkiv: XNU imeni V.N. Karazina, 2015. – S.182-183.
28. Poljakovs' ka Ju.V. Zamovchuvannja i natjak jak zasoby vyrazhennja neprjamoji informaciji / Ju.V. Poljakovs' ka. – 2014. – [Elektronnyj resurs] – Rezhym dostupa: www.ukrsense.dp.ua/index.php/USENSE/article/view/85
29. Popova Z.D. Kognitivnaja lingvistika / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 314 s.
30. Radzijevs' ka T.V. Tekst jak zasib komunikaciji: [monohrafija]/ Tetjana Vadymivna Radzijevs' ka. – K.: Inform. analit. ahentstvo, 2010. – 491 s.
31. Samarina I.V., Pohlebina A.A. Pragmatika mul'tiplikacionnogo diskursa /I.V. Samarina, A.A. Pohlebina // Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika: Sbornik nauch. trudov. – Vyp. 16. – Rostov-n/D: DJuI, 2013. – S.183-186.
32. Svjatovec' V.F. Slovyk tropiv i stylistychnyh fihur / V.F. Svjatovec' . – K.: Akademiya, 2011. – 172 s.
33. Telija V.N. Konnotativnyj aspekt nominativnyh edinic / Moskovsk. gos. un-t./ V.N. Telija – M.: Prosveshhenie, 1986. – 312 s.
34. Cherkasova I.P., Tkachev M.A. Osnovopolagajushhie koncepty fikcional'nogo diskursa R. Brjedbjeri (na primere romana “Vino iz oduvanchikov” /I.P. Cherkasova, M.A. Tkachev // Filologich. Nauki. Voprosy teorii i praktiki. – №8 (50). – Ch.2. – Tambov: Gramota, 2015. – S. 206-209.
35. Shevchenko I.S. Podhody k analizu koncepta v sovremennoj kognitivnoj lingvistike / I.S. Shevchenko// Visnik HNU. Harkiv: HNU, 2006. – №725. – S.192-195.
36. Shevchnko Y.S. Abrys kohnityvnoho vektora prahmalynhvystyky / Y.S. Shevchenko, Y.P. Susov, L.R. Bezuhlaja // Visnyk XNU. Xarkiv: XNU, 2008. – 811. – S. 3-7.
37. Ahern C. A Place Called Here. – L.: Harper, 2007. – 485 p.
38. Deane P. D. Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax / P. D. Deane. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
39. Fauconnier G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
40. Kuznyetsova A. Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm // New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015) – Book of Abstracts. 12-14 April, 2015. – Lodz: University of Lodz. – P.93.
41. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. I. Theoretical Prerequisites. –Stanford, California: Stanford Univ. Press. –1987. – 628 p.

42. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
43. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction /R. W. Langacker. – Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, Inc., 2008. – 573 p.
44. Santos A., Chaigneau S.E., Simmons W.K., Barsalou L. W. Property generation reflects word association and situated stimulation, 2010. – (Электронный ресурс). – Режим доступа: [www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloads/6831, en.pdf](http://www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloads/6831/en.pdf)
45. Thomas R.F. Virgil's "Georgics" and the art of reference / R.F. Thomas // Harvard Studies in Classical Philology. – 1986. – № 90. – P. 71-98.
46. Weizman E. Interlanguage Requestive Hints //Interlanguage Pragmatics. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 1993. – P.124-128.